

УДК 81-2

О некоторых типологических особенностях категории числа в языках нигер-конго

А. Ю. Желтов

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера),
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3*

Для цитирования: Желтов А. Ю. О некоторых типологических особенностях категории числа в языках нигер-конго // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020. С. 154–166.
<https://doi.org/10.21638/11701/26868318.10>

Категория числа часто представляется достаточно простой по сравнению с такими привлекающими большее внимание лингвистов категориями, как падеж или именная классификация. Однако серьезный анализ морфосинтаксических характеристик показывает, что число представляет собой интересную категорию. Языки нигер-конго демонстрируют большое разнообразие в морфосинтаксических характеристиках категории числа. При этом на первый взгляд число во многих языках относится к двум типам: единообразная маркировка числа только во множественном числе (манде — аналогично английскому), различие единственного числа по роду/классу (банту — аналогично русскому). Однако число в манде и в банту принципиально отличается от числа в английском и русском языках и относится к другому типологическому разряду. Кроме того, на примере языков адамауа (ньонг и майа) в статье продемонстрированы еще две типологические разновидности выражения категории числа: особая форма множественного числа для имен, обозначающих людей и домашних животных (ньонг), то есть своеобразное «расщепление» (split) по иерархии одушевленности, и маркировка числа только в прилагательных в атрибутивных и в предикативных конструкциях без маркировки числа на существительном (майа).

Ключевые слова: категория числа, типология, языки нигер-конго, языки манде, языки банту, языки адамауа.

Введение. Корни петербургской (ленинградской) африканистики восходят к классическому востоковедению с его традицией опоры на текст, его филологическую и историческую составляющие. Это не только внимание собственно к тексту, но и к методологии анализа

проблем, решение которых выходит за возможности классических методов — изучение регионов Африки (которых подавляющее большинство), где возможности классических текстологических методов ограничены отсутствием самих письменных исторических памятников. Именно этим вызван интерес к изучению языков, устной традиции и этнографии, что также является важной составляющей петербургской (ленинградской) африканистической традиции. При этом можно отметить особое влияние лингвистики как наиболее «точной» из гуманитарных наук на другие науки, например антропологию, — первые главы (сразу за «Введением») «Структурной антропологии» К. Леви-Стросса (фр. Claude Lévi-Strauss) — одной из самых известных работ по культурной антропологии — весьма подробно аргументируют это [1, с. 33–90].

Многие из известных ленинградских африканистов, добившихся признания в различных (не лингвистических или не только лингвистических) науках, прошли серьезную лингвистическую школу. Этому способствовала и специфика кафедрального образования (кафедра африканистики Ленинградского университета Д. А. Ольдерогге. — *Авт.*)¹, и собственный научный опыт учеников, многие из которых серьезно интересовались языкознанием. В. М. Мисюгин, специалист по традиционной культуре Африки, интересовался языком и имел свои (оригинальные, как и в других областях) взгляды на него. Этнограф Н. М. Гиренко в студенческие годы серьезно интересовался лингвистической проблематикой: его первая курсовая работа была лингвистической — о функционировании атрибутивного форманта *ki-* в языке суахили. Специалист по суахилийской словесности и африканским литературам А. А. Жуков защитил кандидатскую диссертацию по проблемам именной классификации в языках банту. Специалист по истории, культуре и письменной традиции Эфиопии С. Б. Чернецов, став куратором первого курса студентов-амхаристов, настоял на обязательном написании всеми студентами лингвистических курсовых, так как считал, что все африканисты должны познакомиться со строгой лингвистической методологией и проблематикой. Эфиопист, известный специалист по мировой политике и международным отношениям в Африке В. С. Ягья, юбилею

---

¹ Дмитрий Алексеевич Ольдерогге — один из основателей отечественной африканистики — очень хорошо разбирался в лингвистической проблематике, причем и в сравнительно-исторической, и в типологической.

которого посвящен данный сборник, не только получил лингвистическую подготовку на кафедре африканистики, но и сам является автором работ по языкознанию (например, «Пути и источники образования терминологической лексики в современном амхарском языке» [2]).

Наверное, не стоит абсолютизировать и преувеличивать роль лингвистики в научных успехах учеников Д. А. Ольдерогге, но наличие серьезного лингвистического направления в петербургской африканистике, без сомнения, имеет свои традиции. Именно эти традиции и продолжает данная статья, посвященная типологическим особенностям выражения категории числа в некоторых языках нигер-конго — одной из четырех языковых семей Африки, самой крупной по числу языков (около 1500) и охватывающей большую часть африканского континента.

Постановка проблемы. Категория числа часто представляется достаточно простой по сравнению с такими привлекающими большее внимание лингвистов категориями, как падеж или именная классификация. Поверхностный взгляд на выражение числа в различных языках позволяет увидеть достаточно простую картину: единственное число, как правило, не маркируется, а множественное число имеет специальный универсальный для всех имен маркер, как в английском *-s* или турецком *-lar*, при возможном изменении маркера единственного числа по роду и при неразличении рода во множественном числе, как в русском и многих других индоевропейских языках. Наличие в некоторых языках двойственного числа (как и тройственного и паукального, как в некоторых папуасских языках) принципиально не усложняют морфосинтаксические характеристики числа. Тем не менее серьезный анализ морфосинтаксических характеристик категории числа показывает, что, как писал Г. Корбетт (*Greville G. Corbett*), «число является наиболее недооцененной из грамматических категорий. Ее простота обманчива, и число намного интереснее и разнообразнее, чем большинство лингвистов себе представляют» [3, p. 1]. Языки нигер-конго демонстрируют большое разнообразие в морфосинтаксических характеристиках категории числа. При этом на первый взгляд число во многих языках относится к двум выше-названным типам: единообразная маркировка числа только во множественном числе (манде — аналогично английскому), различение единственного числа по роду/классу (банту — аналогично русскому). Однако, как будет продемонстрировано ниже, число в манде и

в банту принципиально отличается от числа в английском и русском и относится к другому типологическому разряду. Кроме того, на примере языков адамауа (ньонг и майа), материал которых был собран во время лингвистической экспедиции в штат Адамауа (Восточная Нигерия), будут продемонстрированы еще две типологические разновидности выражения категории числа:

- особая форма множественного числа для имен, обозначающих людей и домашних животных (ньонго), то есть своеобразное «расщепление» (*split*) по иерархии одушевленности;
- маркировка числа только в прилагательных в атрибутивных и в предикативных конструкциях без маркировки числа в существительном.

Категория числа в языках банту (на примере суахили). Все существительные в суахили, как и в других языках банту, относятся к определенному именному классу. Каждый класс в суахили имеет свой префикс в имени и определяет согласование внутри именной группы и субъектно-объектное согласование в глаголе. При этом принципиальное типологическое морфосинтаксическое отличие в выражении категории числа состоит не в большем числе именных классов по сравнению с родом в языках типа русского (в суахили 15 именных классов), а в отсутствии нейтрализации по классу при выражении множественного числа. Большинство существительных группируются парами: единственное число — множественное число. В учебных пособиях такие пары слов объединяются в один класс, хотя каждое из них имеет свой префикс и свою согласовательную модель. Однако в суахили имеются также существительные, встречающиеся только в единственном числе или только во множественном числе. А некоторые существительные, в единственном числе принадлежащие к одному классу, множественное число образуют по модели другого класса, а существительные, в единственном числе принадлежащие к разным классам, во множественном числе входят в один класс. Поэтому более целесообразно существительные единственного и множественного числа относить к разным классам. Из 15 именных классов четыре класса не имеют отношения к категории числа — три локативных класса и класс инфинитивов (у них нет соответствующих форм множественного числа), а остальные 11 классов делятся на шесть классов единственного числа и пять классов множественного числа (см. табл. 1).

Таблица 1. Префиксы именных классов в суахили и их корреляции по числу (варианты префиксов одного класса представляют собой фонетические алломорфы)

Префиксы классов ед. ч.	Префиксы классов мн. ч.
1. <i>m-</i> , <i>mw-</i>	2. <i>wa-</i> , <i>w-</i>
3. <i>m-</i> , <i>mw-</i>	4. <i>mi-</i>
5. <i>ji-</i> , $\emptyset$	6. <i>ma-</i>
7. <i>ki-</i> , <i>ch-</i>	8. <i>vi-</i> , <i>vy-</i>
9. <i>n-</i> , <i>ny-</i> , <i>m-</i> , $\emptyset$	10. <i>n-</i> , <i>ny-</i> , <i>m-</i> , $\emptyset$
11. <i>u-</i>	

При этом 10 класс является классом множественного числа для 9 и 11 классов, демонстрируя нейтрализацию по классу, аналогичную нейтрализации по роду в русском языке. Для всех других классов подобной нейтрализации в суахили нет — множественное число от имен 1 класса образуется 2 классом, для 3 класса — 4 классом и т. д. (*m-tu* ‘человек’ — *wa-tu* ‘люди’, *ki-tu* ‘вещь’ — *vi-tu* ‘вещи’). Таким образом, в суахили категория числа выражается кумулятивно с категорией именного класса, в то время как в русском языке классификация по роду не релевантна для имен во множественном числе, что составляет важное типологическое отличие, позволяющее группировать языки на типы в соответствии с этим признаком. Интересно, что наличие общего префикса множественного числа для 9 и 11 классов может иметь семантическое обоснование. Имена 11 класса обладают отчетливой семантикой, отличающей эти имена от других — вытянутые и плоские объекты: *волос*, *хворостина*, *страница*, *стена*. 9 класс является классом с наиболее нейтральной семантической нагруженностью. В этом контексте можно объяснить отсутствие специального множественного числа именно для 11 класса — во множественном числе теряется семантика вытянутости и плоскости объектов. Один волос действительно обладает признаком вытянутости, но *волосы*, *шевелюра*, тем более африканца, таким признаком уже не обладают, как и связка хвороста. Таким образом, единственная нейтрализация классов во множественном числе имеет семантическую мотивировку, что еще более подчерки-

вает специфический тип числа в суахили — наличие специализированных классов множественного числа для каждого класса единственного числа.

Число в языках манде (на примере языка бамана). На первый взгляд, число в языке бамана (и во многих других языках манде) относится к тому же типу, что и число в английском языке. Число в бамана, как и в английском, выражается только в имени. Главное средство его выражения — клитика *-и* (в орфографии обозначается как *-w*) [4, с. 62], которая присоединяется справа к существительному и одинакова для всех имен, от которых можно образовать множественное число, как и английский показатель множественного числа *-s*. Однако морфосинтаксический статус у показателя числа принципиально отличается от английского. При наличии у существительного атрибутивного определения показатель числа присоединяется не к существительному, а к этому определению: *mùso-w* ‘женщины’ — *mùso juman-w* ‘хорошие женщины’ [4, с. 62]. Кроме того, во многих контекстах, где идея множественности подразумевается (или выражена каким-то иным способом), показатель *-и* отсутствует, в частности, при наличии числительного (*mǝgǝ fila* ‘два человека’, а не **mǝgǝw fila*), при названиях парных частей тела (если эти части тела в описываемых ситуациях выполняют свои естественные функции), в нереферентно-совокупном употреблении, в сочинительной конструкции, где оба слова выступают в плюральном значении, первый может (факультативно) не иметь показателя множественного числа: *sè' ní mùso-w* ‘мужчины и женщины’ при допустимом *sè-w ní mùsó-w* [4, с. 62–63]. Таким образом, число в бамана имеет принципиальные отличия от числа английского типа: оно маркирует именную группу целиком и отсутствует при других экспликациях числа (прежде всего, лексических). Это относит число в языках манде к типу выражения числа, свойственного, например, тюркским языкам. При этом указанные выше особенности приводят лингвистов-тюркологов к выводу о том, что «с этой точки зрения категория множественности оказывается одночленной, что противоречит сложившемуся в индоевропеистике представлению о грамматической категории как о каком-либо множестве, ряде форм, однако находится в полном соответствии с исконными свойствами агглютинирующих языков, в которых отсутствие формообразовательного показателя означает отсутствие и соответствующей категории» [5, с. 47].

Представляется все же, что вывод об одночленности категории числа в языках типа турецкого, к которому относится приведенная выше цитата, и бамана противоречит принципиальной бинарности и противопоставленности любого знака. Более целесообразно трактовать подобный тип числа как контрадикторную оппозицию нулевого показателя, нейтрального к числу (что позволяет этой форме использоваться в контекстах и единственного, и множественного числа) и маркированной формы специализированного множественного числа. При этом и единственное число в языках типа русского можно трактовать как немаркированную форму, разница между языками типа русского и типа бамана скорее градуальная, а не дискретная — контекстов, в которых нейтральное единственное используется для выражения множественности в бамана существенно больше, хотя встречаются они и в русском. Единственное число в русском без семантики единичности встречается при нереперенциальном (генеричном) употреблении имен: *помидор краснодарский* (на прилавке в магазине, где помидоров много), *собака — друг человека*; при употреблении с числительными до четырех: *четыре книги* (ср. *пять книг*; при собирательном значении: *вода, воронье* (ср. *листья*). Более принципиальным отличием является невозможность для языков типа бамана повтора показателя числа (то есть отсутствие согласования) и возможность показателя числа маркировать всю именную группу, присоединяясь не к имени, а к последнему элементу этой именной группы.

Множественное число в майя². Особый тип множественного числа представлен в языке майя (группа йенданг, адамауа, нигерконго). Для большинства имен языка майя формы единственного и множественного числа существительного не различаются: *soo* ‘корзина/корзины’. Может добавляться квантификатор *kàt* ‘много’ (по словам информанта, это современная форма, ранее использовалось слово *gínt* с тем же значением). В списке слов майя, опубликованном на сайте Р. Бленча³ (наряду с очень краткой брошюрой о языке майя, подготовленной в ходе работы семинара по разработке орфографии для этого языка⁴, данный список — единственный известный автору источник данных о языке майя), за различные формы единствен-

² Подробнее о категории числа в языках адамауа см.: [6, с. 142–152].

³ A Guide prepared at the Maya orthography workshop. May 21st–2nd June 2007 Preliminary Trial Edition.

⁴ The Maya [Yendang] languages. <http://www.rogerblench.info>.

ного и множественного числа принимаются слитные формы имен с посессором в единственном или множественном числе (*мой/наш*, см. табл. 2):

Таблица 2. «Псевдо»-множественное число с реляционными именами в майя

‘ухо’	ед.ч. <i>té</i>	мн. ч. <i>térò</i>
‘рот’	ед.ч. <i>ṛé</i>	мн.ч. <i>ṛérò</i>
‘лоб’	ед. ч. <i>pàràṁ</i>	мн.ч. <i>pòrò</i>
‘отец’	ед.ч. <i>tón</i>	мн.ч. <i>tón rò</i>
‘мать’	ед.ч. <i>ṛóṇ</i>	мн.ч. <i>ṛórò</i>

На первый взгляд, мы имеем дело с регулярным множественным числом, но лексический состав слов с подобными регулярными формами (части тела и термины родства) приводит к совершенно другой интерпретации. Во всех формах так называемого множественного числа присутствует слитное притяжательное местоимение, по моей транскрипции, *-rò* ‘наш’ (с глоттализованной смычкой в финали; открытость *o* предварительно представляется позиционно-фонетической, а не фонологической). В формах же единственного числа даны «словарные» формы, кроме формы *pàràṁ*, которая, скорее всего, должна переводиться ‘мой лоб’ (ср.: *ú* ‘голова’, *ím* ‘моя голова’). Именно части тела и термины родства типологически чаще всего употребляются с посессивами, именно с ними в майя образуются слитные формы с притяжательными местоимениями (ср.: вышеупомянутые формы с *soo díṁ* ‘моя корзина/ы’, *soo dèrò* ‘наша корзина/ы’), поэтому не удивительно, что именно их информант предложил в качестве форм «множественного» числа.

При этом в майя есть несколько форм множественного числа (как правило, названий людей), образованных при помощи суффикса *-a*, присоединение которого иногда сопровождается изменениями в основе ассимилятивного и или диссимилятивного характера: *ṛsé(e)* — *ṛsià* (‘женщина’ — ‘женщины’), *ṛbí* — *ṛbià* (‘мужчина’ — ‘мужчины’), *wen* — *wanà* (‘человек’ — ‘люди’). Существует также особая модель для диминутивов, где используется префикс *bi-* (иногда произносит-

ся как *bə*-; факультативный это вариант или позиционный, на данный момент не ясно) для единственного числа и *zi-* — для множественного числа:

bi-see — *zi-sià* ('дочь' — 'дочери') от *ηsé(e)* — *ηsià* ('женщина' — 'женщины')

bi-bii — *zi-bià* ('сын' — 'сыновья') от *ηbí* — *ηbià* ('мужчина' — 'мужчины')

bi-be — *zi-be* ('козленок' — 'козлята') от *be* ('козел' — 'козлы')

Модель является достаточно регулярной. Возможно, к этой же модели относятся и формы *ba* — *zàà* 'ребенок' — 'дети'. От них можно образовать «вторичные» диминутивы: *bəba* — *zizàà* 'маленький ребенок' — 'маленькие дети'.

Значительно более регулярно множественное число выражается в майя не на вершине именной группы, а в зависимом определении:

ηsee gelee 'большая женщина' — *ηsi(a) gel-a* 'большие женщины'
wen gelee = *ηgelee* 'большой человек' — *wana gel-a* 'большие люди'

Причем данная модель работает и для других существительных — тех, которые не имеют маркировки множественного числа на вершине:

ti gele 'большое дерево' — *ti gel-a* 'большие деревья'

Форма *gele* может быть и прилагательным, и квалификативным глаголом, который употребляется в качестве предиката квалификативной конструкции без копулы и с местоимениями глагольной, а не независимой серии. В предикативной функции, в отличие от атрибутивной, формы типа *gele* не изменяются в зависимости от числа (см. табл. 3):

Таблица 3. Форма *gele* в предикативной функции

<i>ηsee</i>	<i>a</i>	<i>gelee</i>
женщина	3SG	большой
Женщина — большая		
<i>ηsi(a)</i>	<i>ni</i>	<i>gelee</i>
Женщины	3PL	большой
Женщины — большие		

Возможно, изменение по числу блокируется наличием соответствующего местоимения.

Таким образом, язык майя представляет собой особый тип выражения категории числа, в котором наиболее регулярная маркировка числа наблюдается в атрибутивном согласовании при небольшом числе существительных, у которых число маркировано на именной вершине.

Множественное число в ньонг. В ньонг (группа леко, адамауа, нигер-конго) существует стандартная форма показателя множественного числа *-foro*. Она сочетается со всеми существительными, но для лексем, у которых есть специальные нерегулярные формы множественного числа, ее употребление считается не вполне грамматичным. Конечный гласный формы единственного числа, как правило, при этом выпадает: *páŋá* — *páŋforo* ‘дверь из тростника’ — ‘двери из тростника’, иногда усекается целый слог (во всех зафиксированных случаях усекаемый конечный слог — *ra*): *wára* — *wáforo* ‘поток, река’ — ‘потоки, реки’. Отмечены и супплетивные формы: *wa* ‘ребенок’ — *yefera* ‘дети’.

Особый интерес представляют формы множественного числа на *-ra*. Они образуются от ограниченной семантической группы имен, включающей обозначения людей и животных, но животных почти исключительно домашних. В эту группу входят лексемы *ná* — *ná-rá* ‘корова’ — ‘коровы’, *ya* — *ya-rá* ‘собака’ — ‘собаки’, *maŋsa* — *maŋsérá* ‘друг’ — ‘друзья’, *ko* — *korá* ‘курица’ — ‘курицы’, *vùá* — *vù-rá* ‘козел’ — ‘козлы’, супплетивная пара *nìdìŋa* — *nerá* ‘человек’ — ‘люди’. Возможно, этот же суффикс следует постулировать диахронически в формах *nékémtà* ‘женщины’ (ср. *nékénna* ‘женщина’, *nevémtà* ‘мужчины’ (ср. *nevénna* ‘мужчина’) — впрочем, против такой трактовки свидетельствует низкий тон конечного слога в обеих этих формах.

Интересно, что в данный класс не попадают слова со значением *лошади, кошки, утки, свиньи*, образующие, как и дикие животные, стандартное множественное с *-foro*. С другой стороны, совсем загадочным может показаться отнесение к этому классу лягушки: *bùsá* — *bùsá-rá* ‘лягушка’ — ‘лягушки’.

Можно предложить следующее семантическое обоснование данного формального класса: он объединяет людей и животных, ассоциируемых с человеческой средой обитания. Кошка, утка и свинья не попали в этот класс, так как отождествляются с их дикими анало-

гами и, скорее всего, для соответствующих диких животных используется то же слово (в случае со свиньей это подтверждено информантом), тогда как домашние животные, названия которых попадают в описываемый формальный класс, не имеют диких аналогов, с которыми их отождествляли бы носители языка ньонг. Попадание лягушки в класс домашних животных объясняется большим количеством лягушек, обитающих в данной местности в непосредственной близости от жилья человека, к тому же они, по свидетельству информанта, используются в пищу. Подобная близость к человеку (в противоположность диким кошкам и свиньям, которые не живут рядом с человеческим жильем) и функциональная аналогия (использование в пищу) с другими домашними животными и «одомашнили» лягушек в сознании носителей языка ньонг.

Таким образом, ньонг демонстрирует «расщепленность» (split) в выражении числа по иерархии одушевленности: особую маркировку имеют имена с семантикой «личность» при отнесении к этой же группе обозначения некоторых животных, тесно связанных с жизнью человека.

Заключение. В статье были продемонстрированы четыре типологические разновидности выражения категории числа в языках нигер-конго:

- наличие нескольких классов множественного числа, соответствующих определенным классам единственного числа при развернутой системе согласования (суахили);
- один маркер множественного числа, маркирующий всю именную группу и имеющий лексические ограничения, например, на сочетание с числительными (бамана);
- особый маркер числа для семантической группы имен, обозначающей людей и домашних животных (ньонг);
- регулярное множественное число, выражаемое только в согласовании с прилагательным (майя).

Рассмотрение типологии числа в языках нигер-конго в контексте их сравнения с другими языками (индоевропейские, тюркские) позволяет сделать вывод о разнообразии, сложности и специфичности числа в языках нигер-конго, что показывает важность материала этих языков для общей типологии категории числа.

Литература

1. *Левин-Стросс К.* Структурная антропология. М.: Наука, 1983. 536 с.
2. *Ягья В. С.* Пути и источники образования терминологической лексики в современном амхарском языке // *Africana. Этнография, история, языки народов Африки. Африканский этнографический сборник VIII. Т.ХСХVI.* Л.: Наука, 1971. С. 264–287.
3. *Corbett Greville G.* Number. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 358 p.
4. *Выдрин В. Ф.* Язык бамана // *Языки мира: Языки манде.* СПб.: Нестор-История, 2017. С. 46–143.
5. *Гузев В. Г.* Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. 320 с.
6. *Желтов А. Ю.* Материалы к описанию языков адамауа: два этюда о морфосинтаксисе языков майя и ньонг // *Между Нигером и Конго: Заметки на полях: К 60-летию Константина Игоревича Позднякова.* СПб.: Нестор-История, 2012. 254 с. С. 142–152.

Контактная информация:

Желтов Александр Юрьевич — д-р филол. наук, проф.; a.zhelto@spbu.ru

About some typological characteristics of Number in Niger-Congo languages

Alexander Yu. Zheltov

*St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation;
Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
3, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation*

For citation: Zheltov A. Yu. About some typological characteristics of Number in Niger-Congo languages. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T.S.Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 154–166. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.10> (In Russian)

The category of Number is often considered as rather simple comparing to such categories as case or nominal classification. However, a serious analysis of the morphosyntactic characteristics of the category shows that Number is an interesting and diverse category. The Niger-Congo languages demonstrate a great variety in the morphosyntactic characteristics of Number. At the first glance, the number in many languages refers to two types: a uniform marking of the number only in the plural (Mande — similar to English), the distinction of the singular by gender / class (Bantu — similar to Russian). However, the number in Mande and Bantu is fundamentally different from the number in English and Russian and refers to another typological category. Two more typological varieties in expression of number are demonstrated in the article: a special plu-

ral form for the names of people and pets (nyong, Adamawa), a kind of “split” under the influence of animacy hierarchy, and marking of number only in adjectives in attributive and predicative constructions without marking a number on a noun (Maya).

Keywords: the category of number, typology, Niger-Congo languages, Bantu, Mande, Adamawa.

References

1. Levi-Stros K. *Structural anthropology*. Rus. Ed. Moscow, Nauka Publ., 1983. 536 p. (In Russian)
2. Yag'ya V.S. The ways and sources of forming terminology in Amharic. *Africana. Etnografiya, istoriya, yazyki narodov Afriki. Afrikanskii etnograficheskiy sbornik VIII*. T.XSVI. Leningrad, Nauka Publ., 1971, pp.264–287. (In Russian)
3. Corbett Greville G. *Number*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 358 p.
4. Vydrin V.F. *Bamana languageo*. Yazyki mira. Yazyki mande. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017, pp. 46–143. (In Russian)
5. Guzev V.G. *Theoretical grammar of Turkish*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2015. 320 p. (In Russian)
6. Zheltov A. Yu. Materials to the description of Adamawa languages: two essays about morphosyntax of Maya and Nyong. *Mezhdru Nigerom i Kongo: Zametki na polyakh: K 60-letiyu Konstantina Igorevicha Pozdnyakova*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2012, pp. 142–152. (In Russian)

Author's information:

Alexander Yu. Zheltov — Dr. Sci. in Philology, Professor; a.zhelto@spbu.ru